

Н. Г. Гарин-Михайловский

Очерки и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г20

Г20 **Гарин-Михайловский Н.Г.**
Очерки и рассказы / Н. Г. Гарин-Михайловский – М.: Книга по Требованию,
2012. – 176 с.

ISBN 978-5-4241-2412-9

Н.Г.Гарин-Михайловский - известный русский писатель-реалист и демократ конца XIX - начала XX века.

ISBN 978-5-4241-2412-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Николай Гарин-Михайловский
Очерки и рассказы

ПОД ВЕЧЕР

Очерк

В гостиной с мягкой мебелью сидело целое общество. В отворенные двери виднелись большая терраса и спускавшийся к реке сад.

– Если Вася не разобьет барометра, – проговорила молодая девушка с веселыми серыми глазами, сестра владельца имения, Вера Николаевна Плетнева, – я не я буду. Каждую минуту: тук-тук-тук. Тук-тук-тук...

В комнату вбежал пятилетний стройный, живой мальчик с босыми тоненькими ножками. Он на мгновение остановился, показал всем свое покрасневшее личико, сверкнул возбужденными, полными жизни глазами и, заметив отца за любимым занятием, проговорил просительно, но уверенно:

– Папа, и я...

Отец поднял общего баловня. Мальчик, сделавшись вдруг сосредоточенным и серьезным, осторожно постучал пальчиком по стеклу барометра.

– Володя, ты покрепче, кулачком, – посоветовала молодая тетка его и весело рассмеялась.

– Ну что, будет дождь? – спросил отец, опуская его.

– Будет! – быстро и весело, болтнув ногами по воздуху, прежде чем стать на пол, вскрикнул мальчик.

– Молодец мужчина! Теперь иди к тетке и покажи ей язык.

– Ва-а-ся! – протянула жена его Марья Александровна, оставляя работу и ласково любясь на мужа.

– Мило, очень мило, – проговорила сестра. – Как ты думаешь, Володя, кто умнее: папа или ты?

– Папа, – ответил мальчик.

– А я думаю, что ты, – сказала Вера Николаевна.

Мальчик неопределенно уставился на тетку.

– Володя, а кто умнее: ты или тетя Вера? – спросил Василий Николаевич. Мальчик пытливо посмотрел на тетку и, сверкнув глазами, лукаво ответил:

– Не знаю.

Все рассмеялись.

– Ах ты скверный мальчик! – вскрикнула тетка, делая вид, что хочет схватить его. Но мальчик, взвизгнув и сверкнув еще раз на всех своими смеющимися глазенками, быстро исчез из комнаты.

Смеялся Василий Николаевич, смеялся, как-то весь сморщившись, доктор Павел Андреевич Лесовский, точно давясь своим «хи-хи-хи», улыбалась Марья Александровна своей обычной улыбкой, выражавшей все ее душевное спокойствие и удовлетворение. Улыбалась и Вера Николаевна, маскируя желание чем-нибудь отпарировать удар.

– Я ничего... я ничего... ха-ха! Устами младенцев... ха-ха!

– Вася, ну что ты пристал к Вере? – спокойным, приятным, немного певучим голосом проговорила Марья Александровна.

– Оставь его, – горячо проговорила Вера Николаевна, – он без барометра и меня жить не может. Не барометр, так я...

– Ха-ха! – сконфуженно пустил Василий Николаевич и, смазав лицо себе рукой, снова машинально подошел к барометру.

– Ну вот...

– Ха-ха! – опять рассмеялся Василий Николаевич и, махнув рукой, проговорил: «Ну вас» – и вышел на террасу.

– А мы тоже пойдем? – обратилась ко всем Марья Александровна.

Все трое вышли на террасу.

Марья Александровна втянула в себя свежий вечерний аромат поливаемых цветов, прищурилась на заходящее солнце и, проговорив «хорошо», села в удобное гнущее кресло. Доктор подсел на ступеньки террасы, а Вера Николаевна остановилась в дверях и, то поднимаясь на носках, то снова опускаясь, не зная, что лучше: присесть или уйти.

– Ну, что еще? – спросил Василий Николаевич, останавливаясь перед ней.

Вера Николаевна скользнула по нему глазами и проговорила:

– Ну, теперь к барометру.

– Ха-ха! – рассмеялся, круто повернувшись от нее, Василий Николаевич и стал шагать по террасе.

– Так, как сказал Володя...

– Да что ты радуешься на Володю, – быстро проговорила сестра, садясь в кресло подальше. – Ты знаешь, что Володя в меня.

– Конечно! – фыркнул Василий Николаевич.

– Ну пожалуйста, – проговорила Марья Александровна, не отрываясь от шитья, – Володя в дедушку.

– И я в дедушку!

– В моего дедушку, – спокойно проговорила Марья Александровна и положила работу на колени. В то время, как все лицо ее оставалось серьезным, глаза ее весело, добродушно, лукаво смеялись, смотря на Веру Николаевну. Этот неожиданный сюрприз, комичный контраст тонов обеих, вызвал дружный смех.

Веселее всех смеялась сама Вера Николаевна, как-то избалованно откинувшись на спинку кресла.

Марья Александровна продолжала смеяться больше глазами, красивыми, ясными, спокойными, с тем выражением мягкой силы и безмятежной тишины, которые так манят к себе, так незаметно втягивают в сферу своего удовлетворения, так добровольно подчиняют себе мягкой силой любви.

– Ну, хоть и в твоего дедушку, – помирилась Вера Николаевна, – а все-таки не в Васю...

Марья Александровна опять принялась за шитье. Работа доставляла ей видимое наслаждение, в ней она как будто и черпала свою тихую, ясную свежесть, свой веселый юмор и добродушие. Оторви ее от этой деревенской обстановки, перенеси в городскую – обычной светской жизни, – и, может быть, ее манеру назвали бы простоватой, а сама она, заняв место где-нибудь в стороне от главного течения, была бы не опасной конкуренткой светским дамам. Но здесь она была царица, здесь она властно подчиняла все своему влиянию, в ней отражался и чувствовался весь этот тихий, ясный догорающий день. В Вере Николаевне, наоборот, чувствовался городской житель, томящийся и скучающий.

– Конечно, – продолжала Вера Николаевна, отвечая на фырканье Василия Николаевича, – ты комок нервов, вот тот барометр, а Володя живой, здоровый мальчик.

– Комок нервов... – опять фыркнул как-то про себя Василий Николаевич,

продолжая ходить по террасе.

– Ну, ты только не сглазь, пожалуйста, – проговорила добродушно-певуче Марья Александровна.

– О! – весело и в то же время с некоторым испугом быстро вскочила Вера Николаевна. – Чур-чур, наше место свято, я лучше играть пойду.

– То-то, – усмехнулся ей вдогонку Василий Николаевич.

Немного погода из отворенных окон столовой полилась тихая, нежная, легкая музыка.

– Хорошо играет Вера Николаевна, – проговорил доктор.

– Хорошо, – проговорил Василий Николаевич и остановился.

Он хотел было пожаловаться на нее, что она таланты в землю зарывает, не работает серьезно и петь могла бы: голос есть. Но вместо этого только провел рукой по лицу, покосился на жену и проговорил, осматривая пепельное небо:

– Нет, надо, надо дождика.

Он подошел к доктору, остановился и весело продолжал:

– А по-вашему, удобрение? А? Вот как высушит все... – Василий Николаевич поборол неприятное чувство, поднявшееся было в нем при этом. – Шутка сказать, месяц нет дождей, а жарнице-то... Какое тут удобрение?

– И Иван Иванович, – проговорил доктор, – пищит: «Я, изволите видеть, докладывал вам, что по нашим местам не в земле, а в небе сила. Земля наша, изволите ли видеть, хлебодарная, ей не навоз, ей влага-с нужна, а силы в ней конца нет!» А у самого хлеб уже сгорел; а я вот приехал из колонки – у немцев хлеб еще зеленый. Вот вам и удобрение. Если вы, люди образованные, отрицаете навоз, то чего ж от этих-то спрашивать? – мотнул доктор на речку, из-за которой в зеленой листве сада просвечивался ряд серых, соломой крытых изб.

Василий Николаевич пожал плечами, отошел, опять подошел, посмотрел на доктора и фыркнул.

– Те уж окончательно уперлись, – продолжал доктор, – «не примат навозу наша земля, и баста!» Ну и, не дай бог, еще недельку не будет дождя. Голод?! – горячился доктор. – Немцы, как-никак, что-нибудь соберут... цена будет... а они-то как?

Василий Николаевич насутился и нетерпеливо посмотрел на небо.

– Бог даст, будет дождичек, – поспешно проговорила Марья Александровна, тоже тревожно взглянув на небо и, переводя глаза, остановилась на муже, как бы говоря: «Взволнует он тебя». Муж ответил ей мельком взглядом, означающим «не взволнует», и, сдвинув брови, зашагал по террасе.

– Ждать, что сами додумаются? – продолжал доктор. – Ждите. – И, помолчав, продолжал: – Тут организация нужна, система, та система, которой даже начала еще нет, то есть нет даже ясного, хотя бы отвлеченного сознания безвыходности того положения вещей, какое существует. Нет его даже у вас, у людей, ближе других стоящих к делу. Что здесь делается, как в непосильной, нечеловеческой жизни, в бесполезном труде гибнут силы, мы даже знать не хотим; прежде хотя интересовались, а теперь... мы разлюбили эту мужицкую жизнь, – это так скучно! Мы сидим на их шее, как прежде помещики сидели, и еще хуже; что хуже, доказательство то, что прежде мужики имели что-нибудь, а теперь нет у них ничего; но мы, как и прежний помещик, даже и не сознаем этого. Прежде мужик, доведенный до отчаяния, мог прийти и протестовать пред своим барином

по крайней мере. Мы избавились и от этого неудобства: все мы в городе и знать ничего не хотим, – какое нам дело, что мужик, чтоб вырвать у природы урожай сам-три, затрачивает силу, могущую дать урожай сам-двадцать? Что такое сам-три, сам-двадцать, когда наш курс хорошо стоит? Все это ерунда, клевета и вовсе не интересно. Интересна политика, последнее слово, понимание его, интересно, что мы самосознаем себя, интересно и обидно, что нас Запад не признает. Не прежнее ли это доброе время, когда барыня сидит в гостиной и ведет тонкий разговор, а на конюшне...

Доктор остановился.

Василий Николаевич сделал нетерпеливую гримасу, скользнул взглядом по жене, как бы говоря «зарапортовался», и проговорил про себя:

– Упрекать легко...

– Вас лично никто и не упрекает. Лично вы, может быть, делаете и больше, чем можете...

Музыка оборвалась. Вошла Вера Николаевна, обвела скучающими глазами общество и молча небрежно опустила в кресло.

– Все спорите? – спросила она доктора.

– Не смею больше... – проговорил повеселевший при появлении Веры Николаевны доктор, – чтоб не огорчать, во всяком случае, достойного и милейшего хозяина.

Василий Николаевич покосился на доктора и проговорил повеселевшим тоном:

– Чтоб не огорчать? А? – И, улыбаясь, он присел возле доктора.

– Так-то, батюшка мой, – проговорил он, касаясь рукой колена доктора. – А дождика все-таки надо... Хоть бы это и было уроком, но бог уж с ними, с такими уроками. А?

– Вероятно, и будет дождик, – проговорил доктор, всматриваясь в небо. – Вон видите, тучка выплывает.

Василий Николаевич быстро посмотрел по указанию доктора.

На юго-западе, в виде какой-то остроконечной зазубренной вершины, медленно выдвигалась темно-фиолетовая тучка.

– А что вы думаете? – встрепенулся Василий Николаевич. – Ведь это из Гнилого угла... Вы не смотрите, что она маленькая... откуда что возьмется... взмоет... гром... ливень... А?

– Бывает, – согласился доктор.

– Двести пудов на десятине?

– Бывает, бывает.

– Ха-ха! – пустил Василий Николаевич и, встав, снова зашагал по террасе.

– Нет, невозможно... мечты какие-то... так, вроде Манилова стал. Мост этакий через пруд... А? Ха-ха!.. Право! Или вот, как семинарист в какой-то книге говорит: «Горизонт наш не обширен, до этого лесу и обратно». Ха-ха! Право! Нет, невозможно! Вот только прольет из этой тучки дождь – в Париж! Завтра же еду! Что здесь? Безобразие! Невежество!.. Имение продам, куплю там, как это называется, виллу там, что ли? и буду себе... А?

– Слыхали, – проговорила сестра. – Каждая весна начинается Парижем, а пять лет в Петербург собираются.

– Не рассуждать! Завтра же собираться! Чтоб все было готово!

– Да ты, может, один поедешь, – предложила Марья Александровна, – а то вот с доктором. Право... что вам с нами возиться еще...

– А что, доктор? В самом деле, ну их... Пойдут эти шляпки, картоночки... А нам что надо? А? Право, отлично! А они пусть хозяйничают, распоряжаются, деньги копят. А мы приедем, отчет с них снимем. Останемся довольны, расскажем им... чего им еще надо?

– Да главное, сами же предлагают, – проговорил доктор.

– Позвольте-с, вы не поняли нас, – протянула Марья Александровна, – мы тоже поедем, только не с вами.

– Что-о? Это куда же?

– Мы найдем куда... Мы куда поедем? – обратилась Марья Александровна к Вере Николаевне, смотря на нее своими смеющимися глазами.

Вера Николаевна, положив голову на спинку кресла, смотрела куда-то вдаль, и мысли ее были далеки от разговора. Она рассеянно ответила:

– В обратную сторону от них...

– А, так вы так? Это вы что ж, к зуавам, что ли?.. Тебе чего?

Последний вопрос, сделанный Василием Николаевичем уже серьезным тоном, относился к подошедшей в это время к ступенькам террасы старухе.

– Федора Елесина хозяйка, батюшка. От Федора к тебе.

Василий Николаевич молча прошел по террасе.

– Возвратился? – спросил он, останавливаясь.

– Ась?

– Иди сюда поближе.

И Василий Николаевич опять зашагал.

Старуха тяжело поднялась на ступеньки и остановилась. На вид ей было лет шестьдесят. Старое рыхлое тело ее сгорбилось и отдавало старческой немочью. С какой-то клочущей машиной в груди она стояла, плотно прижавши свои руки к бедрам, обтянутым старушечьим пестрядиновым сарафаном, и смотрела своими детскими взволнованными голубыми глазами в мягкие прямые волосы, большой лоб, в длинную бороду, в большие серые глаза хозяина.

– В чем дело?

– Ох, батюшка Василий Николаич, возвратился мой Федор, да не на радость, видно...

Голос старухи оборвался.

Василий Николаевич как-то сразу подобрался, ушел в себя и, машинально проведя рукой по своим редким волосам, сухо, точно досадливо, проговорил:

– Говори же...

Старуха оправилась и уже спокойно продолжала:

– Федор-то мой уже третий день без памяти, батюшка Василий Николаич. Сегодня утречком опамятовался маленько, байт: «Сходи, старуха, к Василию Николаичу, не поможет ли опять, как в запрошлом-те лете... скажи, мол, рукописку ему с богомолья принеси», – про икону святителя Николая, значит. Обещал он тебе, что ли, уж я не знаю?

– Помню, помню... Да как он заболел?

– Господь его знает, батюшка Василий Николаич. Уж с богомолья трудной пришел. В первый-то день все переламывался, в баню сходил, сродники пришли, про святые места описывал, а уж к вечеру-то, видно, и разломило его и разнеду-

жился он...

– Что ж болит у него?

– Да все, батюшка, на все жалуется. Трудно лежит, так трудно, так трудно, что уж мы и не чаем...

Старуха точно испугалась своих слов, глаза ее широко раскрылись.

– Все мечется, так мечется да стонет, да не в уме говорить стал. Право, батюшка, надо дело говорить... А сегодня опаматовал и байт: «Ох, старуха, костыльки мои болят, все нутро опалило, видно смертынька моя пришла!» А я что тут могу?! Помрет он, чего я стану делать? Старая я да больная... сама едва ноженьками ворочаю; кашель душит... избушечка курная... Оставит меня, а на кого оставит, куда я пойду? Детей нет...

Старуха тихо жаловалась. Слезы одна за другой закапали по ее лицу. Наступило молчание. Василий Николаевич подошел к решетке и молча смотрел перед собою.

Солнце совсем село. Красным заревом вспыхнул запад, и розовые полосы потянулись по прозрачной реке. Только к берегу еще резче оттенилась темною голубоватою сталью вода. В воздухе посвежело и еще сильнее потянуло ароматом цветов. Фиолетовая тучка разрослась, вытянула еще несколько остроконечных вершин и точно застыла. Запахло дождем.

– Стою я вот, – тихо, размеренно продолжала старуха, – батюшка Василий Николаич, перед тобою... и вся тут: нет ничего! Думала, он мои косточки успокоит, не даст в обиду людям, а заместо того мне же его хоронить доводится.

И старуха, захватив рукой кончик передника, прижав его к глазам, тихо, горько заплакала.

Василия Николаевича, стоявшего перед ней, точно ветром отпахнуло, и он быстро зашагал по террасе.

– Ну что ж ты живого человека хоронишь, – с болезненной гримасой, как-то тихо, встревоженно проговорил он.

– Ох, помрет, помрет, – тоскливо взвыла старуха, охваченная вдруг страшным предчувствием конца.

– Перестань, – нервно остановил ее Василий Николаевич, – не поможешь же этим.

Он остановился.

– Мы с доктором сейчас приедем. Может, и не так еще страшно.

Он опять замолчал и уж не скоро, как будто про себя, нехотя, тихо проговорил:

– Ну, уж не дай бог чего... не оставим же.

Старуха повалилась в ноги.

– Батюшка мой Василий Николаич, ты один у нас защитник наш, куда без тебя денешься.

– Ах... – нервно заерзал рукой по голове Василий Николаевич.

– Встань, встань, мамуша, – проговорила приветливо Марья Александровна. – Барин не любит, чтоб в ноги кланялись. Богу кланяйся.

Старуха медленно встала.

– Ничего, матушка Марья Александровна. Не грех и поклониться и тебе и ему, матушка Марья Александровна.

И старуха опять бултыхнулась в ноги.

– Встань, встань, – как-то испуганно проговорила Марья Александровна.

– Ничего, матушка, ничего, – говорила старуха, вставая, – отцы вы наши.
– Ну, ступай с богом, – мы сейчас приедем.
Старуха еще раз поклонилась и стала тяжело спускаться.
– Лошадь вам? – спросила Марья Александровна и крикнула:
– Саша!
Вошла серьезная, чисто одетая, некрасивая горничная.
– Саша, скорее барину лошадь... Кабриолет вам, что ли?
– Кабриолет, – рассеянно ответил Василий Николаевич.
– А лошадь – Шарика?
– Шарика, – тем же тоном сказал Василий Николаевич.
– Ну, кабриолет и Шарика; поскорей только!
– Сейчас, – серьезно проговорила Саша и скрылась.
Когда Василий Николаевич начинал волноваться, он притихал, делался сдержанным, рассеянным, говорил тихо, медленно и как бы нехотя.
Он беспрестанно проводил рукой по лицу и то останавливался, то опять начинал шагать.
– Нет, право, как это... – начал было он, подавляя охватившее его волнение.
Марья Александровна спокойно посмотрела на мужа и проговорила:
– Да может, пустяки еще... у них все смерть... Посмотрит доктор... Два года тому назад так же прибежала...
Василий Николаевич покосился на жену и продолжал молча ходить. Лицо его немного прояснилось.
– Вперед-то к чему волноваться, не стоит, – тем же тоном, рассудительным, мягким и спокойным, продолжала Марья Александровна.
– Право, ты, Вася, хуже той бабы, – проговорила его сестра. – Никто еще не умер, а ты уж отходную запел.
– А? – встрепенулся Василий Николаевич. – Отходную?
Он посмотрел на разраставшуюся все тучу.
– А все живы?.. Нет, уж мужик больно хорош. Ну, едем!
И Василий Николаевич нервно начал застегивать свой чесунчовый пиджак на все пуговицы.
– Да ведь не подали еще, – заметила Марья Александровна.
– Подадут, матушка, подадут, – ответил Василий Николаевич. – Увидят, что барин ждет, и поторопятся. Ну, пойдем!
– Да ты что это, мою шляпу надеть хочешь?
Василий Николаевич посмотрел на шляпу жены, которую машинально взял было в руки, добродушно посмотрел на всех, махнул рукой, пустил свое «ха-ха» и, взяв соломенную шляпу, пошел за доктором чрез столовую на дворовое крыльцо.
– Право, Вася хуже всякой женщины, – проговорила Вера Николаевна. – Это бабушка его так разбаловала.
– Да, уж впечатлительный. Проводим их?
Обе дамы встали, но пошли через сад во двор. Они нашли мужчин, стоявших посреди двора в ожидании лошади. Доктор говорил что-то. Василий Николаевич слушал, ковыряя палкой землю. Его глаза безжизненно, безучастно – признак волнения – смотрели вдаль.
– Ну, говорила я вам, что будет ждать? – протянула Марья Александровна.

Глаза Василия Николаевича приветливо сверкнули.

– Вы чего еще тут? – добродушно-ворчливо проговорил он. – Вас еще не доставало!

– Ну, мы уйдем, – ответила Вера Николаевна.

– Нет уж, – проговорил доктор, – если не для него, так для меня хоть останьтесь.

Доктор рассмеялся и покраснел.

Глаза Марьи Александровны рассмеялись и усталились на Веру Николаевну. Последняя, стоя за спиной доктора, сделала большие глаза и комично заболтала руками.

Василий Николаевич скользнул глазами, едва приметно про себя усмехнулся и повеселевшим голосом проговорил:

– А ведь тучка растет.

– Да будет, будет дождь, – успокоительно проговорила Марья Александровна. Кабриолет подали.

– Ну, прощайте вы, – проговорил Василий Николаевич.

– Вы уж его веселого, доктор, привозите с собой.

– Не пускайте, – крикнула Марья Александровна.

– Ни за что не пушу, – ответил, повернувшись к дамам, доктор. – Веревками привяжу.

И доктор показал руками, как он привяжет.

– Доктор, доктор, – крикнула Марья Александровна, – не забудьте кстати к Кислиным... Перед обедом вам говорил, помните?

– Ага, хорошо.

И доктор, повернувшись, сел как следует.

– Там еще что? – спросил Василий Николаевич.

– Замужняя дочь Кислина первый раз рождает... Родила, но что-то неладно.

– Ну вот... Давно неладно?

– Да, кажется, вторые сутки уже.

– Ведь это что ж, скверно?

– Хорошего мало: заражение крови может быть.

– И смерть?

– Да уж...

– Вот оно... А старика не люблю: упрямый эгоист, вечно смущает остальных, но дочка его очень симпатичная. Веселая... такая бойкая... на святках, бывало... оденется в старинный костюм... Они ведь богатые... староверы... Этакая, знаете, настоящая, как у Маковского... Замуж неудачно ее отдали... Отец потянулся за богатством... Теперь опять у отца живет. Куда же сперва заедем?

– Да прежде заедем, пожалуй, к Кислиным.

Кабриолет остановился у ворот зажиточной, в пять окон, избы. Серый осиновый сруб был сделан из толстых четырех– пятивершковых бревен. На крыше соломы было много, и, аккуратно приглаженная, она лежала, прижатая длинными жердями, маленькими ровными крестиками, сходящимися на коньке. От избы тянулись во двор постройки: кладовая, клетушка, сарай, все это, под одно с крайней крышей, крытое соломой, заворачивало под прямым углом и образовало чистый, опрятный дворик. Под сараем виднелись телеги, бороны, плуг, соха, друг на дружку сложенные дровни, маленькие саночки, спинка которых